

Экзамен

- Идет, по коридору идет, - едва переводя дыхание, выпалил Юрка. - По второму этажу идет.

- По местам, - привычно скомандовал староста группы Женька Петров.

Спустя пару минут в конце длинного, изрезанного лучами весеннего солнца, коридора показалась высокая фигура пожилого преподавателя. Опираясь на массивную трость и держа в левой руке потертый портфель, он медленно приближался к студентам.

- Здравсте, Алексей Николаевич, - приветствовали его студенты.

- Доброго здоровья, молодые люди. Подготовились к экзамену?

- Конечно, всю ночь билеты учили, - за всех ответил староста группы.

- Ночью отдыхать, сил набираться надо, молодые люди.

- Конечно, Алексей Николаевич. Мы, так сказать, ответы шлифовали.

- Это мы сейчас, молодые люди, проверим.

Преподаватель вошел в аудиторию, поставил на стол портфель, подошел к окну и открыл его, неспешно втягивая в себя свежий прохладный воздух.

- Ну что там? - одна из девушек попыталась приоткрыть дверь в аудиторию.

- Тихо ты, куда прешься? - остановил ее староста. - Воздухом дышит.

- Цветы-то он видел? - спросила она.

- Еще нет.

Алексей Николаевич достал носовой платок, снял толстые очки и стал медленно их протирать, глядя в окно.

Как любил он это время года... В такие часы забрести бы куда-нибудь в лес, побродить по молчаливым полянам, любуясь лесными цветами.

Они были его радостью, неразделенной любовью, и при виде цветов он становился добрым, мягким, готовым пойти на любые уступки.

Студенты, передавая из поколение в поколение легенды о его чудачествах, всегда использовали в своих целях его причуды. Для этого они приносили на экзамен цветы, ставили их в ведро на пол рядом со столом преподавателя. Первое время он противился такому мероприятию, но сил противостоять новшеству не хватило. И появление цветов на экзаменах стало традицией.

Его любили, при встречах любезно здоровались, за глаза тепло отзывались; но были и такие, кто называл его "чокнутым". Их было гораздо меньше, но в рьяных спорах они всегда одерживали верх. "Разве может нормальный мужик терять от цветов голову? - били они наповал оппонентов. - Нет, на это способен только чокнутый".

Он знал, какие неоднозначные суждения вызывает его личность.

Но что-либо менять в своих привычках он не собирался. "Да и жить-то осталось не так много, чтобы создавать себе новый портрет", - решил он для себя когда-то давно раз и навсегда.

Алексей Николаевич тяжело вздохнул, постоял минуту-другую и подошел к столу. Ему было нужно некоторое время, чтобы "доставить" себя из мира грез в действительность, на экзамен.

- Можно заходить? - приоткрыв дверь, спросил староста.

- Пусть минут пять аудитория проветрится, - не поворачивая головы, ответил преподаватель.

Он заложил руки за спину и медленно окинул аудиторию взглядом. И только теперь он увидел возле своего стола цветы. Целая охапка цветов в пластмассовом ведре.

Преподаватель подошел к цветам и наклонился к ним. “Как-то неудобно все получается, - подумал он. - Это признак уважения группы за мое отношение к ней в течение учебного года или маленький подхалимаж?”

Вдохнув нежный аромат цветов, он уловил запас коньяка. Раздвинув цветы, он увидел на дне ведра полную бутылку армянского коньяка и два лимона.

Преподаватель вытащил полную бутылку и оглядел ее; она была закупорена. “Армянский, - подумал он. - Значит, это дань уважения за мой труд. Но откуда же запах коньяка?”

В это время студенты, стоя возле аудитории, тихо переговаривались и делали последние пометки в шпаргалках.

- А голова-то болит, - сказал староста. - Не надо было вчера мешать все подряд.

- Дней минувших нам не возвратить, господа, - трагически произнес Юрка.

- Не верится, что сегодня сдадим экзамен, - засомневался староста. - Пить вино с коньяком в ночь перед экзаменом - это нечто... А подарок наш, временно, так сказать, переданный на сохранность, после экзамена нам забыть никак нельзя.

- Заходите, молодые люди, - приоткрыв дверь, пригласил в аудиторию преподаватель.

Через несколько минут в аудитории воцарилась тишина. Студенты стали готовить ответы, а Алексей Николаевич снова подошел к окну. Влажный утренний воздух был чист и упруг. Дышалось легко и приятно.

Весну он ждал с нетерпением, а когда она приходила, он становился задумчивым и тихим. Его лицо, исцарапанное морщинами, весной становилось мягким и спокойным. Даже толстые линзы очков не смогли скрыть блеск помолодевших серых глаз.

Преподаватель подошел к столу и сел. “Иванова списывает, - подумал он про себя. - Неужто ничему она не научилась за время нашего сотрудничества? Или от волнения кое-что подзабыла?”

Он откинулся на спинку стула и закрыл глаза, мысленно погружившись в свои воспоминания. Да, пролетела жизнь, словно утренний сон. Вроде бы вчера он, Алеша Батов, на последнем курсе университета познакомился с чудесной девушкой Ирой. Таких глаз, больших и черных, он больше никогда не встречал. Были робкие ухаживания, мимолетные встречи.

После окончания университета он стал преподавать в школе, а его жена, Ирина, получила направление на работу в редакцию журнала. И потекли счастливые дни, полные радости и надежд.

Ирина писала статьи и очерки, иногда выезжая в длительные командировки, которые он сразу почему-то так невзлюбил. Из командировок она привозила новые мысли и впечатления, которые потом становились сюжетами новых очерков и статей.

Как-то ему пришла в голову необычная мысль - написать небольшой рассказ и опубликовать его в журнале, в котором работала его жена. После долгих раздумий он красивым почерком начисто переписал рассказ, но отправить его за свой подписью не решился - перед Ириной было совестно.

Отправить рассказ в редакцию он уговорил сына своего давнишнего друга. Вскоре мальчику пришел ответ, в котором корреспондент Ира, его Ира, вежливо намекнула автору, что предложенный опус не вызовет у читателей интереса, и пожелала автору успешной учебы.

Незаметно командировки Ирины участились, и вскоре жена призналась, что она полюбила другого человека, а от Алеши она решила уйти.

Он тяжело перенес разрыв с Ириной. Жениться во второй раз и называть чужую женщину женой - это было из области фантазии. Он ушел в себя, стал мрачным,

малоразговорчивым, незаметно для себя превратившись в прилежного читателя журнала, где работала его бывшая жена.

Вскоре Ирина перешла работать в другой журнал, и как-то незаметно она ушла из его реальной жизни, оставшись жить лишь в его воспоминаниях.

Спустя лет десять, когда он уже работал в техникуме, возле дома его остановила женщина. По привычке он хотел пройти мимо, но она тихо произнесла:

- Алеша, ты меня не узнал? Алеша, здравствуй.

Он узнал ее мгновенно. Это была она, его Ирочка, только слегка изменившаяся. Он что-то пробормотал ей в ответ, не задерживая на ее лице свой взгляд.

- Алешенька, дорогой мой, - все таким же приятным голосом произнесла он его имя, повергшее его в смятение. - Ты не рад нашей встрече?

Ему стало страшно, что она может уйти, но вымолвить слово у него не был сил.

- Каким ты стал, Алешенька, - изумилась она.

- Каким? - сорвалось с его языка.

- Солидным, степенным. Только вот на меня ты обижаешься весьма напрасно.

- Да нет, я ничего, - попытался он что-то возразить. - Я не обижаюсь.

- По глазам вижу, что неправду говоришь, - улыбнулась Ирина.

Проходившие мимо люди невольно на них засматривались, на шикарную женщину и на растерянного, немного мешковатого мужчину.

- Ты спешишь? - спросила она.

- Нет, - соврал он. - Сегодня я свободен.

- Пойдем куда-нибудь, Алеша.

- Куда? - промямлил он.

- Ты мужчина, тебе и предлагать, - рассмеялась она. - Кафе поблизости нет?

- Ресторан недалеко. "Эльбрус".

- Так чего ж мы тогда стоим? - удивилась Ирина.

- Может, в другой раз?

- Алеша, я угощаю! Будь современным мужчиной, дорогой мой!

"К сожалению, уже не твой", - пронеслось в его голове.

- Не все потеряно в нашей жизни, Алеша! Поверь мне. Мы снова вместе, и это главное, Алешенька!

В эти минуты Ирина могла бы увести его куда угодно. Он безропотно, даже с радостью подчинился бы всем ее желаниям. О чем-либо размышлять или анализировать он был не в состоянии.

Алексей Николаевич приоткрыл глаза, и сразу же прекратился шелест бумаг. Он встал, достал сигарету и закурил, стоя у окна.

"Эх, Ира, Ирочка, - опять нахлынули воспоминания. - Что же ты наделала..."

Тот день они провели в ресторане. Оказалось, что Ирина курит, небрежно держа сигарету с чудным изыском. Она повторно развелась и теперь работала в солидном издательстве, пишет серьезные статьи. Приступила к сбору материала для исторического романа.

- А я ничего из твоих творений не читал, - сознался Алексей.

- Ты много не потерял. Так, пять страничек на производственную тему, три о любви, а остальное - мелкие рассуждения о смысле жизни.

- Зачем ты так жестоко? - удивился он.

- Давай лучше выпьем за нас с тобой, - предложила она.

- За нашу случайную встречу, - расхрабрился он.

- Не такую уж и случайную, - почему-то рассмеялась она.

Им было весело, как когда-то много лет назад.

- Знаешь, Алеша, устала я от всего. Вся жизнь на пятидневки расписана - первые два дня как в гору тащишься, а с четверга - на попе с горы скатываешься.

- Так мир устроен, - возразил Алеша.

- Возможно. Только обидно, когда тебя постоянно лицом об асфальт. И счастье было только тогда, когда мы были вместе.

- Воспоминания для меня стали домом родным, приютом, где мне всегда рады и где я сил душевных набираюсь, - медленно сказал он.

- Но и увлекаться этим нельзя, милый ! Встречные затопчут, - рассмеялась она.

- Выпьем за нас с тобой, - разошелся Алеша.

- За нас, так за нас!

Счастливые и по-детски беззаботные, они пришли к нему в дом.

- Алеша, мои ножки устали, - сказала она.

И снова, как когда-то, он на руках отнес ее к дивану, подал тапочки.

- Алеша, принеси маленькие стопочки, - попросила она.

- У меня дома спиртного не бывает, - растерялся он.

- У нас с тобой всегда есть, Алешенька. Из ресторана.

Это были лучшие дни его, Алексея, жизни. После возвращения Ирины Алексей приходил домой с цветами, и она, делая сердитый вид, бранилась на него. Боже, какая это была счастливая пора его жизни.

- Извините, Алексей Николаевич, можно выйти? - спросил кто-то из студентов.

- Пожалуйста, - не открывая глаз, разрешил он.

Ирина работала над рукописью исторического романа, и он активно помогал ей, разыскивая в библиотеках ту или редкую книгу. Потом она привлекла его к редактированию рукописи, а потом - и к окончательному оформлению рукописи.

Как-то перед праздником Ирина наводила в квартире порядок и наткнулась на рукописи стихов, им написанных много лет назад. Весь день она провела за их чтением, а когда вечером он появился дома, он сурово его встретила:

- Алеша, здравствуй.

Внутри у него все похолодело.

Она рассмеялась:

- Алеша, ну что с тобой?

Конечно, спустя некоторое время те стихи были напечатаны. Автором стихов стала Ирина. Конечно, с его согласия. Да и не нужна ему была эта полудетская забава.

- Разрешите войти?

- Заходите, - тихо произнес он. - Кто готов отвечать?

- Еще немного, Алексей Николаевич, - загундели студенты.

- Хорошо, хорошо.

Это случилось глубокой осенью, в дождливый вечер. Утром он забыл взять зонтик, и когда вечером, мокрый, едва открыв дверь, он крикнул: "Ирочка, приветика!", но никто не ответил. Ему стало страшно.

Не снимая ботинки, он прошел в комнату и на журнальном столике нашел записку: "Алеша, прости. Я ушла от тебя, повстречав человека, которого полюбила. Знаю, что ты меня простишь. Меня не ищи. Прости за испорченную твою жизнь. Ира".

- Можно отвечать? - спросила девушка.

- Конечно, - разрешил Алексей Николаевич.

Он плохо понимал, что она говорила. И глядя в ее сторону, в ее образе он видел свою Ирину.

Потом, спустя много лет, он получил телеграмму. От нее. Из другого города. "Тяжело больна. Очень хочу перед смертью посмотреть тебя. Ирина. Адрес больницы..."

На следующий день он был возле умирающей женщины. Диагноз свой она знала, но, как могла, крепилась, стараясь не подавать виду.

Он с трудом мог осознать, что худая женщина с желтым лицом и потухшим взглядом и есть его Ирина. Они долго молчали, да и о чем было говорить двум пожилым людям, не имеющим ничего общего?

После ее смерти он резко сдал. Голова его, словно после снегопада, покрылась серебром, ходить он стал с тростью.

Как-то на праздники ему, как и всем мужчинам техникума, подарили маленькую, сувенирную бутылочку коньяка. Придя домой и перекусив на скорую руку, он незаметно для себя выпил коньяк.

С тех пор не реже одного раза в неделю стал бывать в том ресторане, где столь счастливый вечер он провел с Ириной. Приходил он после обеда и просиживал здесь до его закрытия.

- Я закончила, - произнесла девушка.

- Скажите, а вы любите стихи? - спросил он.

- Люблю. Лирические больше.

Он долго смотрел на девушку внимательным взглядом, пока она не смутилась.

- Пожалуйста, будьте счастливы сами и внимательны к окружающим Вас людям, произнес преподаватель.- За ваши знания вы заслужили отличную оценку.

- Я не полностью раскрыла второй вопрос, - засмутилась девушка.

- В настоящей жизни, полагаю, вам это сделать удастся лучше.

Он встал, вытащил из ведра три цветка и протянул девушке:

- Прошу вас, будьте в жизни добрым человеком.

Экзамен закончился. Получивших плохую оценку не оказалось.

Алексей Николаевич остался в аудитории один. Захлестнувшие воспоминания, появившиеся слезы, напомнившая его Ирину студентка ... Тяжело было возвращаться в тяжелую, одинокую действительность.

Он подошел к опустевшему ведру и заглянул вовнутрь.

Коньяка и лимонов там не было.

А там, недалеко от здания техникума, на Дербеневской набережной, веселились студенты, сдавшие в этом году последний экзамен, решая, где отметить окончание летней сессии.